

Андрей Бычков

ГуллиВер
и его
любовь

Андрей Бычков

Голова Брана

«Автор»

Бычков А.

Голова Брана / А. Бычков — «Автор»,

ISBN 978-5-457-28668-9

«Он зашел в Мак'Доналдс и взял себе гамбургер, испытывая странное наслаждение от того, какое здесь все бездарное, серое и грязное только слегка. Он вдруг представил себя котом, обычным котом, который жил и будет жить здесь годами, иногда находя по углам или слизывая с пола раздавленные остатки еды.»

ISBN 978-5-457-28668-9

© Бычков А.

© Автор

Андрей Бычков

Голова Брана

«Содержание в целом не слишком сложно, хотя заключение чудовищно».

Х.-Л. Борхес, «Три версии предательства Иуды».

Обоссанный революционерами, он вышел из зала. Они обсмеяли и обоссали его. Ненужный, но не смешной, скорее трагичный, он поднялся по ступеням и вышел из здания, вход в которое был чуть ниже порога земли.

Тротуар был усыпан желтыми, крупно нарезанными листьями. Его чернота, впитавшая в себя влагу дождя, показалась Алексею Федоровичу воплощением вечности.

Он вспомнил смеющиеся глаза девочки, маленькие черные бусины, источающие восторг перед жизнью, которую завтра она могла с такой легкостью потерять под ударами арматуры или бейсбольных бит.

«Что это за восторг и разве не к нему я хотел бы прорваться?»

В табачном киоске проплывало лицо киоскерши. Огромная целомудренная, как рыба, она торговала брикеты жевательного табака и пачки импортных сигарет. Он зашел в Мак'Доналдс и взял себе гамбургер, испытывая странное наслаждение от того, какое здесь все бездарное, серое и грязное только слегка. Он вдруг представил себя котом, обычным котом, который жил и будет жить здесь годами, иногда находя по углам или слизывая с пола раздавленные остатки еды.

«Мяу-мяу! Гав-гав!»

Потому что они его не взяли. Но ведь они и не могли его взять, потому что он был для них слишком поздним плодом.

Анна по-прежнему сидела на диване. Когда он уходил, она обняла голову руками. Теперь же рук словно бы и не было, была одна голова, огромная белая, словно бы дутая до размеров комнаты. Анна молчала уже несколько дней и, казалось, что она и не двигалась все эти несколько дней.

«Пять, шесть, восемь или четырнадцать?»

Он снял одежду – пиджак, кофту и брюки – и в одной рубашке лег на постель, подумав – из-за чего?

«Может быть, из-за кофты?»

О, как он любил их все эти годы. Это была какая-то странная любовь – с качаниями, переходящими от обожания к ненависти, как будто они с кем-то изменяли ему, то сами подталкивая к надменному и глубокому отрицанию, а то – в это жаркое обожание издалека.

С каким упоением он разглядывал их вождя, словно бы и сам был им, их вождем – огромный блестящий муравей с длинными шевелящимися усами, с коричневыми шарами глубоких играющих глаз, скорбь истинная скорченного пальца, неостриженный ноготь, которым можно карябать и карябать под одеялом. Алексей Федорович усмехнулся ничемно в белизну потолка, ничемно и еще раз ничемно.

– Но ведь я был там! – все же гортанно закричал он, как будто порезавшись о свою скорбь.

Вошла Анна, далекая, белая.

– Что, Леша? – спросила она.

Он уткнулся в ее холодную рыхлую руку чуть повыше локтя и перестал двигаться. Так прошел час или два, так, по крайней мере, ему показалось. Наконец он отнял лицо от ее руки. Анна все еще сидела у его постели. Ее рука с красноватым отпечатком его лица...

Чем-то это было похоже на ожидание. Три дня назад он ждал в одной пухлой и высокой канцелярии, коридор был заставлен шкафами, вынесенными из кабинетов, ждал с самого утра, когда же его наконец примут. Иногда на цыпочках он подходил к закрытой двери и осторожно прислушивался – скрежет чашек, бульканье кипятка и этот мышинный шуршащий звук разворачиваемой бумаги. Он представлял в своем воображении бутерброды – обычную газету и крупно нарезанную, с белой жирной каймой ветчину. Обжиралась огромная женщина. Она служила начальницей и обладала неоспоримым правом человека на обед. Никого больше в коридоре не было. Алексей Федорович был в очереди один и был как-то необыкновенно сам в себе возмущен, так, что даже пытался попытаться представить себе, что тоже имеет права человека. И в данном заведении – на месь. И не только этой огромной, в мужских, безусловно, штанах, Зинаиде Игнатьевне, но также и всем этим грязным, засаленным папками, шкафам. И даже этому фанфаронистому пожарному крану с уродливо издевательской надписью «при пожаре звонить ноль один». Глубоко вверх уходила потолочная люстра, засиженная где-то там, в высоте, жирными черными мухами. Зинаида Игнатьевна так и не пустила Алексея Федоровича к себе, и охранник на выходе посмотрел на него с укоризной.

В понедельник Анна занялась глажкой белья и, поддавшись неясному желанию, включила радио. Она услышала, что у здания мэрии в семнадцать ноль-ноль разогнали демонстрацию. Разогнали не милицией, а черными в черных масках людьми. Черные в черных масках люди били железными прутьями демонстрантов, и многие из них так и остались лежать на пыльном асфальте, залитом быстро блекнувшей кровью. Анна гладила галстук Алексею, почему-то измявшийся. Вот уже несколько дней она не включала радио, и теперь это было для нее так, словно бы вдруг на морозе сама собой открылась форточка, и с мороза повеяло морозом. Анна выключила утюг и осторожно повесила галстук на вешалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.